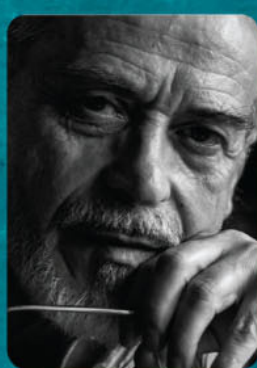
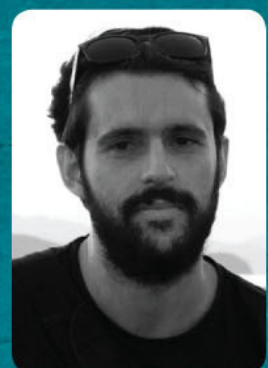

СОВРЕМЕННАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Библиотека новогреческой литературы

АНТОЛОГИЯ

Современная греческая поэзия

«Алетейя»

2021

УДК 821.14'06
ББК 84(4Гре)6-5

Антология

Современная греческая поэзия / Антология — «Алетейя»,
2021 — (Библиотека новогреческой литературы)

ISBN 978-5-00165-217-5

Греческая поэзия на протяжении всей своей истории была богатой, самобытной, глубоко национальной, но открытой ко внешним влияниям. Эти её характерные черты не изменились по сегодняшний день, и в условиях глобализированной культуры она не замыкается в себе и не растворяется в обезличенном «общемировом» литературном процессе, но продолжает сохранять свою особую идентичность. Но идентичность эта не является ни однородной, ни монолитной: внутри неё выделяются свои полюса и свои тенденции, «западнические» и «почвеннические», консервативные и новаторские, ищущие сближения с европейским миром и настаивающие на поиске уникального национального пути. Все они, восходящие ещё к периоду Греческой революции 1821 г. и усложнённые внутринациональными конфликтами и расколами XX в., продолжают сказываться – уже в новом обличий и новом контексте – на поэтической мысли. Эта книга, охватывающая десятилетний период в истории высшей литературной награды Греции и более чем сорокалетний период в истории самой греческой литературы, может служить путеводителем по современной греческой поэзии. Авангардисты и классики, реалисты и сюрреалисты, признанные мастера и совсем юные авторы ведут в ней диалог с эпохой и обществом, дают свою оценку злободневным проблемам и обращаются к извечным вопросам жизни, смерти и любви.

УДК 821.14'06
ББК 84(4Гре)6-5

ISBN 978-5-00165-217-5

© Антология, 2021

© Алтейя, 2021

Содержание

Две антологии во имя культуры	7
Греческий Фонд Культуры и греческая литература в России	8
Слово современным греческим творцам	9
Пантелис Букалас	12
Неподобающее	14
События	15
Сказание зубов	16
Семизвёздное	17
Мисен	18
Йоргос Маркопулос	20
Мои прежние я	22
Сигнал какой-нибудь пошли	23
Кладбище автомобилей	24
Говорит разбойник	25
Шествие	26
Фодорис Ракопулос	27
Твоя вечная привычка смотреть через плечо	29
Объектив	30
Фаюм	31
Et in arcadia ego	32
Долгий путь не боящийся слов	33
Катерина Ангелаки-Рук	35
Исчезла и луна	37
Поворот событий	38
Монашеское	39
Пить и глотать	40
Поэтический постскриптум	41
Фомас Иоанну	43
Штормовое предупреждение	45
Вскрытие	46
Поймал день?	47
Меры предосторожности	48
Потеря высоты	49
Фомас Цалапатис	51
Бочка	53
Отзвук	54
Коробка	55
Стихи одного плохого человека	56
Ответы	57
Маркос Мескос	58
Ночь после того	60
Отвлекающие манёвры	61
Простая история	62
Скромные перерывы в селе Каламици[5]	63
Птицы	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Коллектив авторов
Современная греческая поэзия
Антология
***Стихотворения поэтов-
лауреатов государственной
литературной премии Греции
(2010–2018 гг.)***

Συγχρονη ελληνική ποίηση

Ανθολογία

**Κρατικά λογοτεχνικά βραβεία βραβείο ποίησης
2010–2018**

* * *

Настоящее издание выходит при поддержке Министерства культуры и спорта Греческой Республики и Греческого фонда культуры (г. Афины) в рамках Меморандума о взаимопонимании в области литературы, перевода и издательской деятельности между Министерством культуры и спорта Греческой Республики и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации

© Коллектив авторов, 2021

© Министерство культуры и спорта Греческой республики, 2021

© Греческий фонд культуры, 2021

© И. Харламов, перевод на русский язык, 2021

© И. Кафаоглу, В. Хадзивасилиу, сост., послесл., 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Две антологии во имя культуры

Государственные Литературные премии являются одной из наиболее давних подведомственных программ Министерства Культуры и Спорта. С 1956 года без перерывов высшие государственные литературные награды присуждаются выдающимся деятелям словесности, что способствует распространению литературного языка и воспитанию любви к чтению. Страницы произведений, которые мы чествуем в ходе награждений, ещё пахнут типографской краской. В этот раз, впервые за всю историю программы, Министерство Культуры и Спорта осуществило издание двух антологий литературных сочинений, чьи авторы удостоились Государственных Литературных премий в течение минувшего десятилетия. Их изданию сопутствовало пожелание Министерства Культуры и Спорта: греческой литературе пора отправиться в путь за пределы нашей страны в официальном облачении государственного признания.

Первая антология содержит рассказы и новеллы четырнадцати писателей, получивших государственные премии в соответствующей номинации. Вторая состоит из стихотворений, входящих в двадцать сборников, удостоившихся награды в поэтических номинациях. На страницах антологий читатель узнает характерную картину современного литературного творчества. Он отправится в путешествие по произведениям более раннего периода и познакомится с голосами молодых прозаиков и поэтов. Он сможет составить мнение о том, как современная греческая литература подходит к проблематике нашей эпохи, когда мир меняется с безудержной скоростью. О том, как мастера слова справляются с соблазнами и вызовами современного мира. О том, как они видят человеческую природу, её страдания, страсти, надежды. Предоставим поэту сказать, «что видит он на своём веку»...

Государственные Литературные премии не являются наградами, адресованными избранному кругу людей. Мы понимаем эту программу как широкий путь для продвижения греческой книги и греческого языка. Экстраверсия современной греческой культуры – наша постоянная и давняя цель. Наша обязанность – сделать так, чтобы два изящных тома, две антологии, изданные под контролем Департамента словесности Министерства Культуры и Спорта, получили распространение на многих языках и во многих странах. Наша цель – обогатить мировой литературный процесс XXI века новыми, выразительными и тонко чувствующими, голосами греческой литературы. Мировой читательской аудитории имеет смысл познакомиться с нашей современной литературной идентичностью, отражающей социальную, культурную, идеологическую проблематику.

Д-р Лина Мендони,

Министр Культуры и Спорта Греческой республики

Греческий Фонд Культуры и греческая литература в России

Греческий Фонд Культуры всего лишь в течение одного года представил в России целую серию знаковых произведений греческой литературы, превосходно переведённых выдающимися неоязыковедцами: «Достойно есть» Одиссеаса Элитиса, «Третий брак» Костаса Тахциса, полное собрание сочинений Э. Х. Гонатаса, а кроме них – и произведения писателей, отметивших своим творчеством последние десятилетия: Мениса Кумандареаса, Никоса Хулиараса, Павлоса Матесиса, Димитриса Нолласа. Цель этой инициативы – познакомить многочисленную русскую аудиторию с достижениями греческой культуры при посредстве великих деятелей литературы, на равных правах входящих в семью европейских и мировых писателей, и заполнить огромный пробел, существовавший до недавнего времени в этой сфере.

Но наша цель не могла бы считаться достигнутой, если бы мы проигнорировали текущее положение дел в греческой словесности: поэтов, которые сегодня живут среди нас и пишут о сегодняшней жизни с её проблемами и перипетиями. Мы считаем своим долгом представить этой обширной публике, читающей на русском языке, и литературную Грецию сегодняшнего дня. Заверить её в том, что Кавафис, Элитис, Сеферис имеют продолжателей, и поэтический язык остаётся живым и созидательным в Греции XXI века. С этим настроем и с большой радостью мы представляем в России настоящий сборник: творчество современных поэтов. Речь идёт об инициативе Департамента Словесности Министерства Культуры и Sports Греческой республики, усилиями которого была издана антология поэтических произведений авторов, удостоившихся Государственной Литературной премии Греции в последние годы, и сейчас перед нами стоит задача перевести эти произведения и распространить их на международном уровне. Многие из вошедших в книгу авторов совсем молоды и получили награду за самую первую свою книгу. Другие, напротив, получили премию за совокупность своих многолетних достижений.

Греческий Фонд Культуры, будучи институтом культурной дипломатии, в этом году открыл представительство в Москве, ставя перед собой важную задачу: упрочить отношения между нашими культурами, между литературными традициями наших народов, которые были связаны и объединены столь многими вещами на протяжении многовекового общего исторического пути. Я абсолютно уверен, что русский народ, так хорошо знакомый с нашей классической литературной традицией, так высоко ценящий наше византийское наследие, полюбивший Кавафиса и Элитиса, примет с той же любовью и с тем же интересом современных греческих поэтов, которых мы имеем честь представить сегодня в настоящей книге.

Никос А. Кукис

Президент Греческого Фонда Культуры

Слово современным греческим творцам

*Родной мне дали греческую речь мой нищий дом на
берегах Гомеровых.
Нет заботы другой кроме речи моей на берегах
Гомеровых.*

Одиссеас Элитис

Взяв за ориентир эти строки из поэмы «Достойно есть» нашего нобелевского лауреата, поэта Одиссеаса Элитиса, Департамент Словесности Министерства Культуры и Спортa подготовил русскоязычное издание двухтомной антологии, содержащей произведения греческих писателей, удостоившихся Государственных литературных премий в номинациях «Поэзия», «Рассказ-новелла» и «Литературный дебют» в течение последнего десятилетия. Этот период, отмеченный экономическим кризисом и его побочными эффектами в общественной сфере, неизбежно затронул и теоретическую проблематику. Что такое поэзия? Что такое литература? Очищение страстей, по Аристотелю? Историческое событие, где сжато охватываются огромные срезы, находят своё выражение расколы и формируются понятия, которые в дальнейшем формируют сознание? Инсценировка реальности посредством фантазии? Способ скоротать время и отогнать страх перед миром, кажущимся непостижимым?

Вероятно, они – все эти вещи, которые, по словам Элитиса, активируются движущей силой языка. Греческий язык на протяжении долгих лет был изгнанником в русских литературных кругах и российском книгоиздании. Уже долгие годы новогреческая литература пытается завоевать по праву принадлежащее ей место в приоритетах русских переводчиков и издателей, на витринах крупных книжных магазинов Москвы и Санкт-Петербурга, на международных книжных выставках, в предпочтениях публики. С помощью настоящей инициативы, являющейся частью более обширной программы по изданию греческой литературы на русском языке, Департамент Словесности передаёт слово современным греческим творцам с уверенностью, что *plus c' est local, plus c' est universel*.

В этом томе собраны произведения двадцати поэтов, творчество каждого представлено пятью стихотворениями. В большинстве своём они относятся к разным возрастным группам, их творчество восходит к разным истокам и движется в разных направлениях. Часто их методы диаметрально отличаются друг от друга.

В контексте резких перемен, произошедших с начала десятилетия до его конца, антология отражает, в большей или меньшей степени, ландшафт недавнего литературного процесса во всём его многообразии и многозначности, и обрисовывает в нескольких штрихах пороки эпохи, способствуя диалогу об историческом нарративе нашей литературы. Одновременно с этим она выносит на поверхность проблематику поэтических и повествовательных приёмов, которая, разумеется, восходит к более раннему времени и охватывает более обширный период, чем это десятилетие.

В поэзии господствует *homo ludens*, творец, «играющий» со словами, этим восхитительным интеллектуальным афродизиакom, в заслуживающем всяческого уважения слиянии индивидуального и общественного начал. Факт институционального премирования является гарантом качества текстов, вошедших в антологию, и даёт русской публике возможность познакомиться с уникальным в своём богатстве, самобытным и завораживающим греческим литературным «архивом».

Таким образом, этот том, как и выходящая в свет одновременно с ним антология прозы, открывает канал связи со внешним миром, диалог с ним. Кроме того, он в очередной раз подтверждает, что деятельность читателя остаётся процессом производящим, почти равноценным деятельности писателя, по меткому наблюдению Жака Деррида. Вокруг этого тезиса, впрочем, строится вся программа «Любовь к чтению», реализуемая Министерством Культуры и Спорта.

Одна из целей настоящей двухтомной антологии – вывести в свет и отправить в путешествие до самых отдалённых уголков мира живую и актуальную литературу, способную вступить в диалог со вчерашним днём, но глядящую в завтрашний. Литературу, которая определяет себя как последнее прибежище свободы, следуя высказыванию Д. Соломоса: «разве занят мой ум чем-то иным, помимо свободы и речи?»

Сегодня, когда локальное и глобальное, национальное и инородное пересматриваются на невиданных прежде условиях, эта книга и её близнец, антология прозы, могут многое рассказать о том, какими способами, на каких условиях и посредством каких преобразований греческая культура осуществляет себя в пределах Греции и за её пределами, а равно и о том, какой мы хотим видеть её завтра. Греческая литература обладает своим характерным голосом, своим местом в глобальном (но не глобализированном) сообществе, сохраняя свою общую идентичность или свои частные идентичности. Это литература, уходящая корнями в глубокое прошлое, как и сама история письменности, – по крайней мере, как мы её знаем, – недаром и само слово «алфавит», которое мы встречаем во множестве языков, имеет греческое происхождение.

Пожелаем ей доброго пути – теперь и на русском языке, среди русской читательской публики!

Д-р Сисси Папафанасиу,

историк культуры, руководитель Департамента Словесности Министерства Культуры и Спорта Греческой республики

Пантелис Букалас
Глаголы

Государственная литературная премия Греции

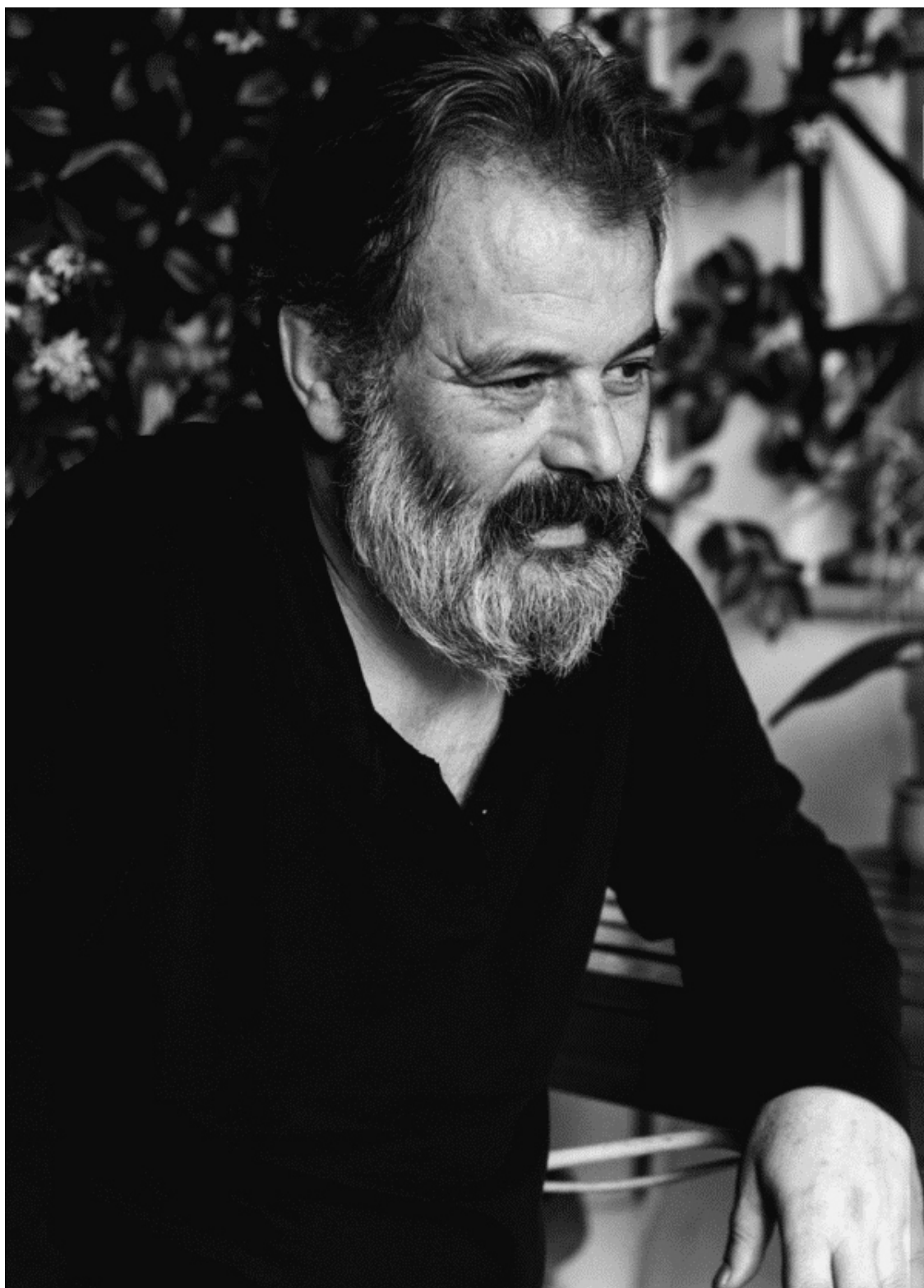
Номинация «Поэзия»

2010

Издательство «Агра»,

Афины, 2009

(С. 49, 55, 59, 64, 87)

Неподобающее

Даже ноги её обо мне не подумали —
когда самоуправствуют,
когда поспевают за уловками мозга,
за сценариями, которые он
всё раскручивает и сворачивает
полустыдясь, полубесстыдствуя,
наконец-то свободный,
в ночи.
Пятнадцатисложное тело твоё,
моё морюшко,
да, распаляет меня.
Но весь я отписан отчаянию,
что значит на греческом страсти – отвержению,
и поэтому просто рисую тебя,
я, вольный боец, навещаю тебя, когда ты отсутствуешь.
Рисую тебя, ничего о тебе не узнав,
не умея прочесть по слогам суставы твои,
твоих берегов тамариски,
твоё имя.
Меньше страсти своей
я всегда – и сейчас.
Что и правильно. Так разумно
и так полагается:
если пересекаются эти два варианта,
если есть у них общая жизнь.

События

Не хватает соловейке дыхания
умаялась душа его
петь
только петь
перебарывая
побеждая зурну
что над праздником плачет немолчная
и торжествует.
Запевает любовь свои новые песни
и каждой из них всё твоё дыхание нужно
чтобы тебя рассказать.
Но так
только так спасётся душа твоя
и восторжествует.
Жестока любовь.
Таково начало её.
И конца на костре её не существует.
Из двух ничего.
Она просто случается.
Случается с нами любовь.
Как случается море.

Сказание зубов

Сопрягалась с небом морская даль,
отходила прочь луна
сострада двум крупцам времени
расширившимся до бесконечности.
И бранила звёзды луна:
не дай бог потревожат тьму
что царила вокруг баюкая нас в объятии.
И ты – душа моя душенька твоё тельце
от плоти свет
на святом престоле страха
Твоего поцелуя след на губах
страсти печать несбывшейся ненасытившейся
глубокий и неусыпный след
будет душу бессонной ночью сопровождать
пока она спасается и терзается
пока радости исполняется и обиды
и песни поёт пытаюсь унять печаль
купину неопалимую не желающую воды
и ветер молящую посильнее раздуть её.

Я целую память поцелуев твоих
и багряную себе в сердце нацеливаю

Добровольно тону в волнах этого «л»
чтобы лодка зубов твоих подхватила меня
воскресила меня и растратила.
Всегда открыта дорога любви.
И нет на ней возвращения.

Семизвёздное

Семисветный светильник – любовь:
пылающий
и сияющий, покуда горит,
знак неусыпный,
освящённый страданием.
Его дым,
крохи пламени,
если тронуть их – твёрдые, камень.
И всё-то он поглощает.
И речи, и рёбра,
испуг и раскаяние, и панический страх,
всё человеческое.
Потому что в начале
и после
самое человеческое:
любовь —
семисветный светильник.
Пылающий.
И сияющий, пока ты горишь.

Мисен

В лагере Гектора был я,
в лагере Одиссея ли —
какая разница.
Нет у Харона родины – и он демократ.
Кроме того, я не сражался вовсе:
я только трубу настраивал
и звуком её
людей, гремящих оружием, в сечу бросал.
Чем игра моя была вдохновеннее,
тем больше трупов ложилось вокруг.
От крови меня мутило,
но разве я мог искусство предать
и ритму, во мне вздымавшемуся,
изменить?

Покуда – от горя, думаю, или от ярости,
навряд ли из гордости, —
не похвалился я,
что смертная и смертельная моя музыка
трубы всех богов превосходит.
Услышал меня Тритон, —
сам морской и труба у него морская, – взъярился:
зависть богами движет.
И утопил меня.

Даже радости состязания он не дал мне,
даже радости поражения.
Потому-то я благословляю Марсия.
Он пришёл состязаться – и проиграл.
Флейту его
победил Аполлон не лирой,
но хитростью:
хитрость богами движет.
Бог повесил его
и кожу с него содрал.
Но, по крайней мере, ему было дано состязание.

Йоргос Маркопулос
Тайный охотник

Государственная литературная премия Греции

Номинация «Поэзия»

2011

Издательство «Кедрос»,

Афины, 2010

(С. 9, 11, 25, 34, 41)

Мои прежние я

Куда все они делись, куда исчезли?
Тот, который когда-то хотел изменить весь мир,
ребёнок, ни минуты не сидевший тихо,
потом любовь: ранимый отрок,
и армия: дерзкий, крутой, бесстрашный,
и ещё дорога: пылкий странник.
Куда они делись, куда исчезли?

Какой-то ветер окутал их и унёс.

А тот, который, оставшись один, испугался бессонницы —
пожалуйста, вот он: бродит сейчас по улицам
с яблоками и обогревателями в руках.

Сигнал какой-нибудь пошли

Позвать тебя по имени я уже не могу.
Но всё же сигнал какой-нибудь пошли мне.
Потому что я один
как после убийства дым над стволом пистолета или как
смоковница дикая
выросшая внезапно в черноте пепелища.
Как причастная лжица
с вечера во рту завтрашнего покойника или как дубок
на месте казни,
я один и жду тебя,
наострив все чувства:
как коты, ждущие приглашения из таверны. С единственным
глазом,
у которого вместо зрительного нерва
само небо под микроскопом,
и с единственным ухом, у которого вместо барабанной перепонки
не более, чем шатёр цыганский.
Со словами, бросающимися врассыпную,
как при виде поезда козье стадо,
и с тёмной душой ещё, которая всё-таки многое видит, как
одинокий
под лупой запертый глаз часовщика: я один.
Я один и жду тебя.

Кладбище автомобилей

Здесь мириады шелестов ветра,
неистребимый запах смолы и бензина.
Всё здесь, всё здесь: одряхлевшие велосипеды, мопеды,
автобусные зеркала, головы фур.
Всё здесь, всё здесь: хромые трициклы, раскуроченные такси,
и даже куриной царицы трон,
заднее сиденье прогнившего Мерседеса.
Всё здесь, всё здесь: утопленные трактора,
валыцы от дорожных катков,
экскаваторы Дойч, Катерпиллар, всё здесь, всё здесь, и в той же
куче —
тысячи вечных «люблю», сказанных посреди
металлолома, репьев и кала.

Говорит разбойник

Я устал от высокогорий
и хочу спуститься,
поцеловать руку земной Марии,
которая расправляет плети плюща в саду
и тут же рядом, за оградкой каменной, варит варенье.
Я устал, говорю вам, совсем устал,
ночь всё больше меня терзает,
и неудержимая лихорадка,
как враги – разгромленный гарнизон, захватывает меня.
Предвечерье уже,
а я на сёла, на зелёные свежие пашни вдали на равнине
всё смотрю.
Предвечерье уже и скоро начнёт смеркаться.
Ткётся смерть на ржавых водяных мельницах, птицы
вспархивают, улетают,
и, глубоко внутри их ушей, безумцев
псы преследуют,
псы преследуют и набат.

Шествие

Мёртвого ребёнка несли в гробу.
Несли по проулкам мимо запертых табакохранилищ,
мимо парикмахерских, лотков и «цыганских» кабаков.
Пронесли мёртвого ребёнка,
и никто в толпе не перекидывался взглядом,
не заговаривал с идущим рядом.
Дома склонялись безмолвно, склонялись скорбно, низкий ветер
шёл
воровато, скрытно, переходил на ту, на ту сторону улиц, и
морская волна тревожно,
тревожно к себе подзывала свои плески, своих детишек.

Фодорис Ракопулос
Фаюм

Государственная литературная премия Греции

Номинация «Литературный дебют»

2011

Издательство «Мандрагорас», Афины, 2010

Издательство «Нефели», Афины, 2019 (2-е издание)

(С. 7, 10,12,18, 25)

Твоя вечная привычка смотреть через плечо

Мы молчали, неподвижные среди музыки: на коленях
фотография: в чёрной коже на ветру ты смотришь прямо,
строгая и уверенная – по ту сторону объектива
я смеялся, конечно. На дальнем плане мост бетон и земля
пустая, твоё село.

И мы всё смотрели не поднимаясь с колен: с моста
ты завидуешь воде – вырвались из города, авто ждёт позади
с разогретым двигателем, когда закончится перерыв,
головокружение пройдёт, отойдите, вы что, не видите,
вы мешаете, я фотографирую свою любовь.

Объектив

*словно долго позировать перед
камерой в которой
не было плёнки
как потом узнаёшь.*

каплет ртутью в вены голубизна
пока город вокруг — к миллионам ртов —
поднимает минутную стрелку: мол
чи. дрожь замурована в гипсе.
девушка неловко надевает горизонт, не знает, как повернуться.

наверху: море
чистыми мазками на
каждой стекляшке брошенной на берегу
и в каждой старые волны,
вот и всё, что я знаю о пространстве:
остальное осталось
в фотокамере.

Фаюм

То и дело они составляют фотороботы
с фотографической неточностью
или безграмотной памятью человека в форме
на поворотах проспекта,
самоходные, неподвижные.
закаменелые

мутный как на загранпаспорт снимок транзитом и под дождём
делают остановку пока
— в каком-то другом стихе —
инерция запечатлевает
их фаюм чистейший

Et in arcadia ego

Хронотон Артемиды

всеми своими реальностями мир углублялся в почву,
окружённый кремнистым сланцем, и вдруг
я оказался в воде

— так отчаянное пробуждение обрывает побег и день воздвигает
в твоём голосе стену —
стихотворение снова стало чернилами стало полипом утянуло
меня
на дно чтобы я пересчитывал утонувшие рыбы перстни.

я как дар погребальный носил её под землёй — мгновение
вечности —
и теперь дышу через бок
сквозь тростинку твоей стрелы.

Долгий путь не боящийся слов

Уже поздно между Токио и Салониками:
ты уронила на страницы
сомкнутые глаза

вежливо отказавшиеся от кофе обеда и того,
что, надо полагать, было ужином; в воздухе языки, кадры,
прошлогодние хиты кинематографа упускаешь один за другим —

и даже покой, парящийверху и соединяющий паузы,
между делом, колебания курсов
мировых валют, перепады атмосферного давления.

Уже поздно для трансляций в этой воздушной географии,
поэтому я пишу: говорят, что во время полёта возможна только
фаза быстрого сна. замечательно:
значит, ты мне расскажешь, что тебе снилось, когда

ты роняешь сумку – это называется «сонное опьянение»,
объясняю я, стряхивая пыль у выхода —
и тебе хочется познакомиться со мной поближе.

может быть, доехать вместе
на такси до центра или встретиться
посмотреть Фудзияму о которой ты мечтала столько часов

Уже поздно, когда мы прибываем;
затянувшаяся пауза – я выхожу на платформу,
я потерял тебя где-то в толпе, не помню, проверяю вещи:

паспорт, мобильник, маленький конверт
в ручной клади. женским, странно знакомым
почерком, имя;
открываю:

вот это
самое стихотворение меня сопровождает пока – рассвет из
окна поезда – я медленно просыпаюсь, двигаясь навстречу
тридцати миллионам незнакомцев.

Катерина Ангелаки-Рук
Анорексия существования

Государственная литературная премия Греции

Номинация «Поэзия»

2012

Издательство «Кастаниотис»,

Афины, 2011

(С. 22, 26, 30, 34, 48)

Исчезла и луна

Луна, луна
прижатая так тесно
к моей груди и к животу:
и на неё я больше не гляжу,
как больше не гляжу
и в зеркала.
Луна теперь —
белёсый слабый свет,
что чуть мерцает и напоминает времена,
когда за ночью ночь
с её серпом
и страсть, как полнолуние, росла.
Ты на покрытых галькой берегах
стояла мокрая и думала, что видишь
суть мироздания,
мечтала о веках
метафизических,
где никакое солнце
не затмевало бы поэзии луны:
ведь серебристый свет
всегда нежнее дня
и золота его.
О, женщина, как ты была смешна,
считая, будто пылкая луна
оберегать твой танец будет вечно.
Но и луна исчезла.
И она.

Поворот событий

С какого неба она проливается,
эта отравы,
в день по капельке
мою жизнь разъедая?
Где осталось сияние,
что меня переполнило,
когда глаза мои тронули
силуэт «Его» тела,
проступавший легонько
сквозь мужскую одежду?
Слова в ту пору лились потоками,
проносились идеи, как дикие стаи птиц,
не хотели клевать слова,
как бы ни голодали.
Ночь меня не пугала: хоть и безмолвная,
она сказки рассказывала,
сулила зарю.
Люди были
не назойливым антонимом одиночества,
а колодцами, где в глубинах сокрыты тайны
утешительные и прохладные.
Знать бы: это я сама виновата —
или чёрный антоним жизни,
что приближается?

Монашеское

Плотном плотном чернота обернуть меня хочет, я знала.

Монах смотрел в её рот,
зубов и поцелуев лишённый.
Его чёрная шапка
была запятнана небесной голубизной,
и его покой был весь в складках, как плотный шёлк
на картинах голландцев.
Яннуса¹ представила
часы его спасения,
погружённые в масло и в тишину,
прогулки его одинокие
по самому краю прохладных ущелий соблазна.
Как полярный медведь,
у которого жир – идеал телесности,
может вынести холод, потому что в своей ледяной берлоге
копирует смерть,
так и этого человека душа
в мозговом сером мешке
копирует абсолют,
чтобы вынести жизнь.
Только плач его слышится по ночам
и прутья лозы трещат, когда он
встаёт на колени.

---

¹ Героиня нескольких стихотворений поэтессы (прим. пер.).

Пить и глотать

Какой была бы жизнь моя сейчас
когда я чернотой окружена
и вся дрожу как маленький зверёк
боюсь медвежьей ночи
боюсь, что всё давно предрешено
за тучами
какой была бы жизнь
без жидкости хмельной которую я пью
без этой напоённости
которая бушует украшая
мою неполноту
и облегчает ношу дня
груз ночи неподъёмный
и без мечты которая таится
свернувшись у меня под языком
и жидким телом делается так что
с любым глотком я нахожу её во рту
и без того чтобы не прекращая
по капле я считала
во мне расплёсканную пустоту?

Поэтический постскрипtum

Стихи теперь не могут быть красивыми:
ведь правда стала безобразной.
Отныне опыт —
единственная плоть стихотворений.
Пока он богатеет,
питаются стихи – и, может быть, становятся сильнее.
Болят мои колени,
и пред Поэзией я больше их не преклоняю,
но только свои опытные раны
в подарок предлагаю.
Эпитеты увяли:
теперь я только играми рассудка
Поэзию свою приукрашаю.
Но я не перестану ей служить, —
пока нужна ей буду.
Она одна мне помогает позабыть
закрытый горизонт грядущего.

Фомас Иоанну
Улица Гиппократа, 15

Государственная литературная премия Греции

Номинация «Литературный дебют»

2012

Издательство «Шекспирикон»,

Афины, 2011

(С. 9, 13,14, 26, 44–45)

Штормовое предупреждение

Сколько ты ещё продержишься
На этом снежном склоне
Где упражняются
В слаломе и фрирайде
Мастера стихотворцы
Вовремя обходящие
Любое препятствие
Рано или поздно
Сорвёшься с какого-нибудь обрыва
Забыв поставить точку
Или что ещё хуже
Глупо шлёпнешься
Не поставив своевременно вопросительного знака
И станешь посмешищем
Взыскательного общества
Жадного до любого
Восклицательного унижения
Бросай это дело пока цел
Надвигается снежная буря
А мы уже числимся пропавшими без вести
Среди всех этих многоточий

Вскрытие

После того как его вытащили из моря
Он несколько дней просыхал

Его отбивали как осьминога
Чтобы душа в нём хоть немного смягчилась
Но он не исторгал изо рта
Последнего слова
Не желал очищаться
От своей последней воли

И соль на его теле
Была как пот морской глубины
Куда он вошёл и откуда вышел
С напором любовника
Знающего что каждый раз
Может оказаться последним

В зубах он упрямо
Сжимал ракушку из тех что
Собирали ребёнком

Сувенир пучин
Оберег для тех которые
Пожелали ходить пешком
По морю

Поймал день?

Не торопишься ты ловить день
Время едет верхом на своём мопеде
А ты ползаешь по комнате на четвереньках
Ища
Любимую ногу

Новый день
Застаёт тебя на полу
Пытающегося забраться
В нору сна

Меры предосторожности

Скажи стихам
Чтобы долго не сидели на солнце

Чернеют чернеют стихи
И белые их поля
Сжимаются покраснев
От тревоги ожогов

Начни наконец жить в тени
Или хотя бы намажься кремом от загара
Обеспечь себе элементарную безопасность
Потому что эта дыра души
Разрастается изо дня в день

И во что впитается
Всё сияющее излияние жизни?
Всё транжирство божественного?

Что будет отфильтровывать
Ультрафиолетовый ужас?

Теперь когда мы обнаружили
Что шрамы на нашем теле
Изменили цвет и размер
И проступают на коже как финальные титры

Потеря высоты

Небо находится
В свободном падении
А ты от малейшего
Землетрясения пугаешься
Не дай бог земля
Уйдёт у тебя из-под ног

Может быть мне и завидно
Что ты смотришь в оба
А я пялюсь вверх
Спотыкаясь то тут, то там
Измеряя насколько снизился
Детский горизонт

Надеясь, что настанет день
Когда мы презрев гравитацию
Будем падать в сторону звёзд

Может быть мне и завидно
Что ты крепко стоишь на ногах
А я говорю о вещах беспочвенных

Но ты помнишь дружище как мы за одну ночь
Вымахивали в высоту
И просыпались готовыми
Схватить небо за пятки?

А теперь это небо
Висит у нас над головой
И ты на него даже не смотришь
Кроме как если закапает дождь

Тогда ты его проклинаешь
Что посмело заплакать
О высоте которую потеряло
В детских глазах

Фомас Цалапатис
Утром резня, господин Крак

Государственная литературная премия Греции

Номинация «Литературный дебют»

2012

Издательство «Экати»,

Афины, 2011

(С. 11, 21, 29, 35, 43)

Бочка

Как-то утром господину Краку взгрустнулось. Он залез на бочку с селёдкой и стал смотреть в небо. Ему нравилось считать падающие самолёты. Вокруг него старики запускают воздушных змеев, и жидкая зелень. И яма, куда попадает в конце концов самое глубокое из недоумений, зарезанное, или просто защекоченное насмерть. Слышится кашель в темноте, а господин Крак всегда улыбается в самый неподходящий момент. Воздушные змеи цепляются за провода, и стариков бьёт током. Господин Крак смотрит на них. Смотрит на них и ест яблоки.

Отзвук

Господину Краку не спится. Орда гуннов не даёт ему заснуть. Каждую ночь повторяется та же история и его изводит. Один и тот же грохот сдёргивает одеяла, один и тот же грохот раздвигает шторы, раздвигает веки. Подковы их лошадей оставляют выбоины на мостовой. Из их сердитых ноздрей вырывается пар. От суровых, огороженных железом взглядов кровь стынет в жилах. От того, как они счищают с клинков человеческие останки, кровь стынет в жилах.

Они шумят, затачивая свои мечи, и шумят, поедая сырое мясо, шумят, с рёвом бросаясь в атаку, и шумят, насилая монахов. Шумят, сжигая деревни, и шумят, создавая свои империи. Но прежде всего они шумят, когда, напившись на своих свадьбах, задыхаются от крови в переломанных носах, спящие густым сном.

Разумеется, всё это случилось в 450 году до н. э., то есть за века до того, как господин Крак лёг в постель.

Коробка

Есть у меня одна маленькая коробка, в которой постоянно кого-то режут.

Она чуть побольше коробки из-под ботинок. Чуть попроще ящика из-под сигар. Не знаю, кто и кого, но кто-то кого-то режет. Звуков оттуда не доносится (кроме тех моментов, когда они доносятся). Я ставлю её на этажерку, на стол, когда хочу провести немного времени, глядя на неё, подальше от окон, чтобы не пожелтела на солнце, ставлю её под кровать, когда хочу почувствовать себя хулиганом. В ней кого-то режут, даже когда в доме праздник, даже по воскресеньям, даже в дождливую погоду.

Когда я нашёл коробку – где и как, не скажу, – я с удовлетворением принёс её домой. В тот момент я думал, что услышу шум моря. Но там внутри происходит резня.

Мне уже дурно делалось от шума, от понимания происходящего, от разворачивающихся в коробке событий. От самого её присутствия мне делалось дурно. Нужно было что-то предпринять, избавиться от неё, успокоиться, принять ванну. Нужно было решить этот вопрос.

Так я отправил её по почте одному своему другу: у меня есть один друг, нужный только для того, чтобы дарить ему подарки. Я завернул коробку в невинную цветную бумагу, перевязал невинной цветной ленточкой. В коробке с письмами лежит коробка, и в этой коробке кого-то режут. Лежит себе в почтовом ящике и дожидается моего друга. Такая дружба, которую я поддерживаю только для того, чтобы дарить подарки.

Стихи одного плохого человека

Теперь мои дни спокойны, и сон мой крепок по ночам.
Джек Лондон, «Лунный лик»
Сначала мы разорвали с ней отношения.
Потом разорвали ей горло.
У мадам де Сталь была большущая шляпа,
три кошки и корзинка, полная сонных ящериц.
Она была женщиной
из тех могучих женщин
с широким тазом,
готовых родить целый спозаранку продравший глаза легион,
готовых столкнуться с бронетранспортёром
и наблюдать, как сминается листовое железо,
причём сами они отделаются парой царапин
и, быть может, лёгкой удовлетворённой улыбкой.
Жизнь, полная стонов, мозолей и плоти.
О, жизнь с безвольно повисшими руками,
расстилай на полу свои пластиковые пакеты:
по ним пойдёт сейчас
тишина, бабёнка с кривыми ногами,
а ты смотришь, только смотришь и просто смотришь.

Но: сперва отношения,
потом горло.
Старая угроза моей влажной археологии,
наконец-то я с тобой расквитался.
Абсурдный страх моего детства, страх
абсолютный.
Наконец-то я узнал твою меру.
Наконец-то измерил твоё падение.

Ответы

В один решающий день публика потребовала, и господин Крак согласился. Он даст ответы! Он мобилизовал самые редкие слова. Украсил их значками облечённого удара и густого придыхания². Почистил зубы, отрепетировал свою речь, надел очки. Бот он поднимается на трибуну, а под ним – океан взглядов.

Господин Крак немеет, а публика, без нетерпеливости, но и без терпения, на него смотрит. И так уже не один день. Господин Крак – неожиданный истукан, не могущий заговорить, не могущий – хотя бы иносказательно – стряхнуть с себя это свойство, эту инертность, бессилие, эту трещину своего имени. Произнести речь и возвратиться восвояси. Туда, где отзывы, в конечном итоге, не так уж и много значат.

О том, как разрешился этот инцидент, я ничего больше не знаю. Так что не спрашивайте. Кроме того, господин Крак – господин скучный, сплошное настоящее время глагола. И на это у меня ответов нет.

---

² Диакритические знаки, использовавшиеся в дореформенном греческом языке и часто ассоциирующиеся с трудночитаемыми старинными текстами, официозом и бюрократией (*прим. пер.*).

Маркос Мескос
Выкуп

Государственная литературная премия Греции

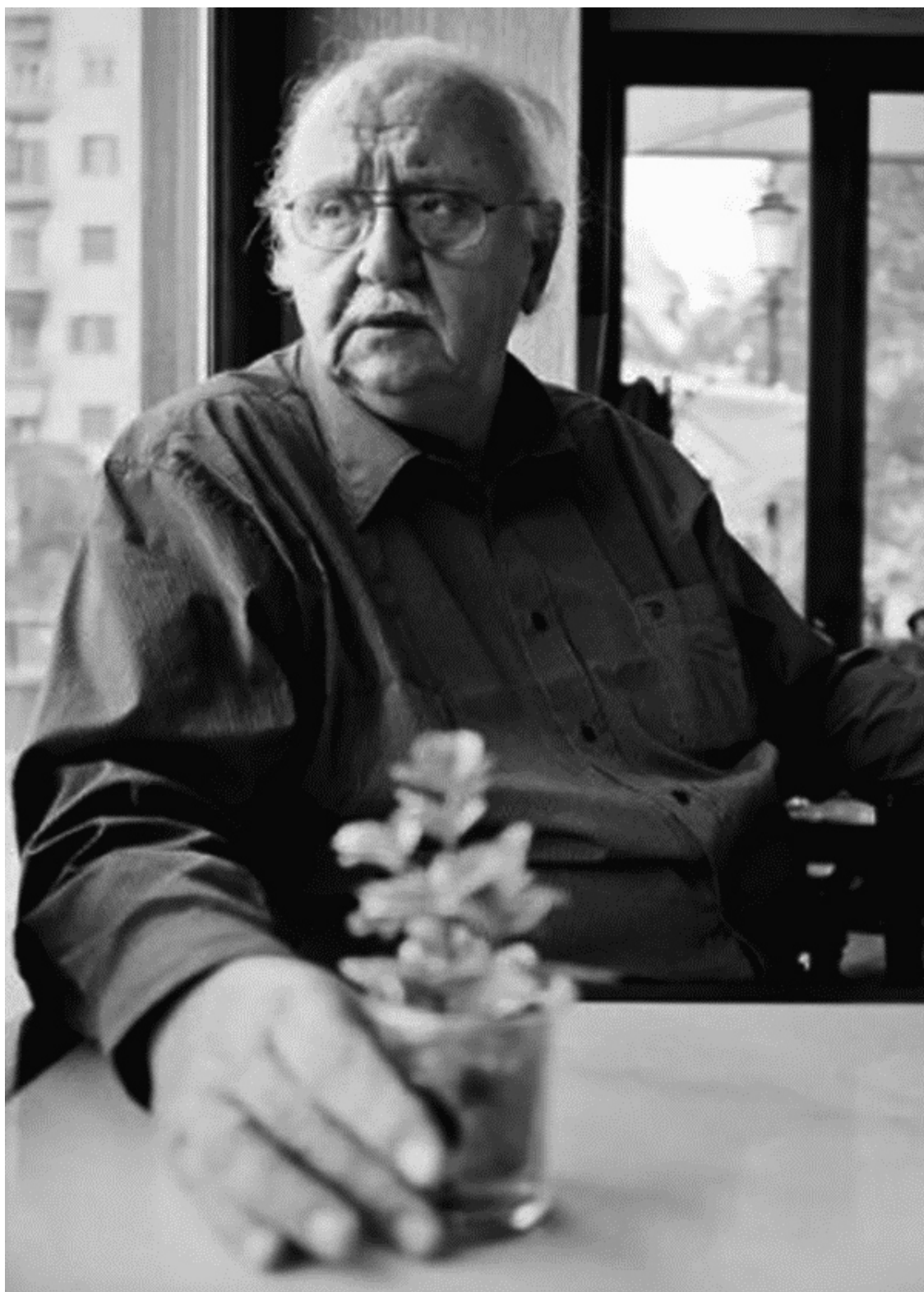
Номинация «Поэзия»

2013

Издательство «Гавриилидис»,

Афины, 2012

(С. 23, 27, 34, 38, 70–72)

Ночь после того

На прогалине их прикончили:
взгляды за спину шаги за спиной
чёрный лес где звери прячутся пляшущие
с мертвецами – сверху с гор они спустились в ущелье: был май
птицы свет и цветы бушевали под ветром: благоухание
скорбной радости или двусмысленное упование пока
они шли и чуть ниже
по склону над ямой выстрелы в голову.

Холодный мурашки ветерок ледяной нынче первая ночь под
землёй
нынче пляски: нынче пляски у мертвецов.

Отвлекающие манёвры

Утром дождь шептал осеннему серебряному ковру
слова невнятные мимолётные – дальние голоса
дальние крылья за дымом за туманами чернотой
над глазами почва:

базиликом белым расцветает смерть,
дряхлает якобы, но наряжается...

Простая история

Был голубоглазым рослый дядя Эвфимис муж тёти Афродиты двоюродной сестры моей матери; всю жизнь возился с лошадьми телегой и огородами; выпивал и я помню как по вечерам он вываливался из пивной «Аляска» в Воденах³ улыбаясь до ушей и шатаясь довольный прошедшим днём и своей многомилостивой жизнью «ах если бы только говорил он мне в горку перед домом не подниматься!»

Когда я смуглею от загара

он приходит в мои сны добродушный огромный голубоглазый берёт меня за руку и ведёт к Лонгосу⁴ перечисляя мне имена птиц и источников на их старом позабытом языке.

---

³ Водены – старое название Эдессы, родного города автора (*прим. пер.*).

⁴ Лонгос – живописная местность близ Эдессы, где находятся руины древнего города (*прим. пер.*).

Скромные перерывы в селе Каламици⁵

Десять раз пробежала вверх-вниз по дереву
щипала пугливая белочка в спешке
корку хлеба брошенную в траве;

на акации дрожит воробышка
страстно выпрашивая на своём языке
забытое лакомство крошку какую-нибудь.

---

⁵ Село на острове Левкада, популярный курорт (прим. пер.).

Птицы

Ушедшему поэту Йоргису Павлопулосу

Птицы ищут одного и птицы другого...

Гребцы небесные над кровлей ласточки низколетящие аисты воробьи зарянки дрозды
щеглы и горлицы вальдшнепы в вышине подорлики и кваквы альбатросы дальние выюрки на
подоконниках —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.